



Во дворе растут две берёзы и три дуба. Одну берёзу спилили. Сколько всего деревьев теперь растёт во дворе?

Волька медленно прочитал по слогам, продираясь сквозь ери и яти старого учебника, почесал затылок и подумал: а леший их знает. Растут себе и пуцай растут. Подумал ещё немного. Зачем их считать-то? Как можно считать берёзы с дубами вместе? Берёзы сами по себе, а дубы – сами по себе.

Посмотрел с тоской в окно, зашёлся от кашля. Во дворе была темень, всё завалено снегом. И зачем вообще во дворе деревья? От них только тень и листья по осени опадают, всюду летят. Мамка ни за что не позволила бы деревьям во дворе расти. Она бы их все спилила. И правильно бы сделала. Дрова бы были. А так – одно баловство. Мальчишки будут на дубы лазать, упадёт ещё какой по глупости, бошку разшибёт. Что ему потом мамка скажет?! Может ведь дурачком на всю жизнь остаться, или горб вырастет. В соседнем дворе жил один горбатый дядька, Волька всегда смотрел на него со страхом, а один раз спросил:

– Мам, а чево он такой?

– В детстве упал, наверное, стукнулся, вот горб и вырос, – ответила мама.

В Красную армию такого не возьмут. Из пулемёта не постреляет. Волька мечтал стрелять из пулемёта и на тачанке мчаться.

Волька стал ещё раз читать задачу. И не знал, как её решать.

Покрутил фитиль керосиновой лампы на столе, снова покашлял. Надо будет у папки спросить, когда он придёт с работы, решил. Папка работает на заводе, он всё знает. Волька захлопнул учебник. Только надо бы спросить, чтобы мамка не слышала, а то она рассердится, станет на него кричать: «Какой же ты непонемотный! Простую задачу не можешь решить!». Она всегда называет его непонемотным, если он делает что-то не так или не слушается.

Передёрнул плечами от холода, натянул повыше на плечи мамкину старую кофту. Угли в печке догорали, но следующее полено будет положено в печь, когда придёт папка. Волька знал, что дрова надо беречь. Подошёл к печке, сел на корточки, стал кочергой разгрести угли, может, разгорятся немного. Он разбивал угли, они вспыхивали красными огоньками. Это было любимое занятие Вольки.

Тут вспомнил, что учительница их, Марья Игнатьевна, советовала ему рисовать, если не понимает, как решать задачу. Нарисуешь – и сразу увидишь, – говорила ласково Марья Игнатьевна. Нарисовать, что ли, берёзы и дубы? – В сомнении раздумывал Волька. Уж больно глупое это занятие – рисовать берёзы.

Волька стал искать, где бы можно было нарисовать свою задачу: лишней бумаги в доме не было, рисовать в своей тетради он не хотел – зачем ещё тетрадь портить. Если только где лежит бумага, куда мамка что-нибудь заворачивала. Волька оглянулся вокруг, но ничего не обнаружил. Поэтому он открыл учебник с конца, нашёл чистое место и решил здесь изобразить свои берёзы. Ткнул перо в чернильницу и, поставив кляксу, начал выводить на листе дерево, размышляя, как изобразить берёзу, а как – дуб, чтоб понятно было.

В коридоре послышались голоса – папка пришёл. Мама шла с ним, несла ему в ковшике тёплой воды – умыться.

– Ну, Волька, как дела? – Спросил папка.

– Хорошо, – бодро ответил Волька.

– У вас тут холодно, – сказал отец, присел у печки, стал подбрасывать поленья.

– Ничего, не холодно, – ответила мама.

Конечно, она на кухне с соседками сидит, они там плиту топят, им тепло.

– У тебя ребёнок замёрз совсем, смотри вон, из носа сосульки уже свисают, – говорил отец, повернулся, подмигнул Вольке.

Сейчас папка съедет кушать, лучше его пока не спрашивать, – решил Волька. – А вот как покушает, за газету возьмётся, так я и

спрошу. Подожду малость.

Мама достала завёрнутую в её тёплый платок кашу, поставила на стол, принесла молоко в большой железной кружке.

– Волька, кашу есть будешь? – Спросила мама.

– Не-е, не буду, наелся уже, – отмахнулся Волька, наморщив нос, посмотрел на кастрюлю с кашей на другом конце стола.

Ещё молоко это противное пришлось пить. Мамка покупала молоко раз в неделю у знакомой коровницы и заставляла их всё выпивать до капельки – оно было дорогое.

– Ездили сегодня с комиссией по поводу Таврических оранжерей, где тропические растения замерзают от холода, – сообщил папка, сев за стол.

– Ты всё со своей комиссией, – проворчала мамка, накладывая отцу кашу в тарелку. – Они тебе дали освобождение от работы?

– Это вопрос ещё не ясный, – ответил отец.

– А когда он будет ясный? Ты должен им задаром в этой комиссии участвовать? – Ответила мамка, отошла к шкафу, доставала своё шитьё.

– А в этих оранжереях пальмы растут? – Спросил Волька.

– Да, там пальмы растут. Их ещё при царях посадили, они теперь в народное достояние достались, – объяснил ему папка. – Должен же кто-то этим заниматься, – говорил уже матери.

Волька удовлетворенно кивнул, покашлял в кулак и представил себе пальмы в стеклянной оранжерее, – он видел в старом журнале такую картинку, – а на пальмах живут обезьяны, они прыгают с пальмы на пальму. Обезьян Волька видел в зоосаде, они ходили туда с папкой.

– Конечно, ты должен этим заниматься... – сказала мамка, вернулась к столу, села штопать носок Вольки.

– Ведь разорят же всё окончательно, – проговорил папка.

– Они, поди, и так уже всё разорили, – махнула рукой мама.

– Сама ж за них на демонстрации ходила... – усмехнулся отец.

– Я и не за них вовсе ходила. Сдались они мне! Я против войны ходила и против карточек. Откуда ж я знала, что ещё хуже будет.

Мамка отложила шитьё, положила отцу ещё каши в тарелку.

– Приезжаем мы в топливное отделение Центроснаба для инспекции, они должны оранжереи обеспечивать топливом, – рассказывал дальше отец. – И выяснили мы там немало всего интересного. Сидит там заведующий – демобилизованный недавно

из Красной армии, назначенный на хозяйственный фронт, в кожанке и галифе. И сидит он там с важным видом, а сам ни черта дел не ведаёт, что у него творятся. Этот, так сказать, заведующий, а в подчинении его находятся 14 человек, и он очень слабо осведомлён о топливных ресурсах, что у него есть в распоряжении. При этом он отказывается поставлять дрова оранжереям до прояснения денежного вопроса, то есть требует сначала оплаты дров от оранжерей. «У нас, – говорит, – теперь новая экономическая политика, мы без денег никому ничего не даём». А откуда они ему деньги возьмут? Они – государственная собственность, их должны дровами обеспечивать! – Отец от злости стукнул кулаком по столу. – Их в войну сохранили, а теперь они погибнут!

Волька слушал разозлившегося отца и приходил к мысли, что лучше его сегодня не спрашивать, как решать задачу. Там вон пальмы от холода гибнут, а он дубы сосчитать не может.

– А если пальмы замёрзнут, – спросил немного погодя Волька со своего места, – то их можно на дрова пустить?

– Нельзя пальмы на дрова пускать, они тощие очень, от них тепла не будет, – ответила мамка. – А ты уроки свои лучше делай, а не встревай, двоечник.

– Я не двоечник! Нам оценки не ставят.

– А зря. Я бы вам ставила двойки, ничего учить не хотите, двоечники. И порола бы вас хорошенько.

– В трудовой школе нельзя детей пороть! – Возмутился Волька.

– Не в трудовой, а в тунеядской вашей! Тунеядцев растят только. Вон Панькин сын на учёбу не ходит, а всё на улице слоняется, со шпаной всякой и гопниками.

– Панькин сын уже большой, я в его годы уже работал, – заметил отец.

– Так он и работать не хочет, он у неё на шее сидит, дармоед несчастный.

– Ей надо было его раньше пороть, – сказал отец, – теперь уже поздно. А то она его баловала всю жизнь, носилась с ним, как с писаной торбой. Вот и доносила.

– А как же ей было его не баловать, у неё же никого больше нет на белом свете. Стёпка-то её был забулдыга, да и бил её ещё хорошенько, пока не утонул в канаве по пьяни.

– Да знаю я её дела, – сказал папка.

Он доел кашу, облизал ложку.

– Если ж ей так не везёт в жизни, – грустно сказала, махнув рукой, мама.

– Раньше оранжереи эти получали дрова из Петротопы, – немного погодя продолжил папа, – до середины октября, а потом их передали на обеспечение Центроснаба, там был образован специальный отдел по топливу и лесозаготовкам. А они теперь отказываются выдавать дрова. Но это ещё не всё. Самое интересное: заведующий сам ничего не смыслит в этом деле, а вызывает некоего гражданина Горячева, который должен нам ответить на вопросы. Этот гражданин Горячев в штате учреждения не состоит, зато знает всё, что там происходит. И ему фактически поручены дела, он вёл доставку топлива в учреждения, которые должен снабжать Центроснаб. Горячев и снабжал до последнего времени дровами Таврическую оранжерею с баржи, о существовании которой не знал начальник отдела. Начальник этот ничего не знал и о 17 вагонах на Балтийском вокзале.

– А что их начальники вообще знают и могут? – Вполголоса встала мама.

– И выяснили мы, значит, что лучше всех знаком с топливными делами гражданин Горячев, который является частным лицом, и впечатление создаётся такое, что дровами снабжает не Центроснаб, а гражданин Горячев. И в целом, сделали мы вывод, – продолжал отец, и голос его становился всё более грозным, – что постановка дела в топливном отделе Центроснаба находится не на должной высоте, отчётность о поступлении топлива не соответствует действительности...

– Ты бы лучше договорился с этим товарищем Горячевым, чтобы он нам дрова поставлял, а то чем топить скоро будем, – сказала мама.

– Это государственное учреждение, они только учреждениям поставляют, – немного помолчав, ответил отец.

– Да какая мне разница?! – Воскликнула мама. – Лишь бы дрова были!

– Ничего, мужики договорятся в кооперативе, будут дрова нам, – ответил хмуро отец, встал из-за стола.

– Да пока они договорятся... – махнула рукой мама. – Это ещё бабка надвое сказала в их кооперативе...

Отец молчал. Накинул на плечи тулуп, взял ведро – курить пошёл на крыльцо. Мамка убрала со стола, выходила на кухню, а

Волька, давно уже забросивший уроки и думать про них забывший, перекладывал на столе своих цветных бумажных солдатиков. Он вырезал их из журналов, которые папка приносил когда-то на растопку печки, были они красивые, буржуйские, мамка, правда, жаловалась, что от них золы много. Прежде чем они оказались в печке, Волька их внимательно просматривал, и картинки, которые ему нравились (читать-то там всё равно нечего было), он вырезал и хранил в своей коробочке с важными вещами. В одном журнале было много картинок солдат старых времён, даже наполеоновской армии. Но Волька не очень-то интересовался, что это были за армии, он их просто вырезал и играл ими, устраивал иногда баталии на столе.

Папка вернулся, принёс воды, мама разостлала уже их постель за занавеской, и папка сразу лёг.

– Нам сегодня селёдки в пайке выдали, – завтра селёдку сделаю, – сообщила мама.

Папка пробурчал в ответ неопределённое «угу».

– Ты тоже спать ложись, – наказала мамка Вольке, – хватит керосин жечь.

Волька убрал свои пожитки в коробочку, скинул лишние одёжки, затушил лампу, и залез под одеяло.

Отец от усталости заснул сразу.

Волька, покашливая, рисовал себе в уме сначала пальмы в оранжерее, потом вспомнил сына соседки Паньки Кольку, как тот прохладился по улице недавно и крикнул вслед высокой девчонке из соседнего двора: «Эй, каланча, рожа просит кирпичика!». Усмехнулся. Хотя этот Колька был злой и противный, Волька предпочитал с ним не встречаться на улице.



Мамка долго не могла заснуть, сначала думала, чем она будет кормить своих завтра и послезавтра. Вспоминала, сколько пшеница у неё осталось, хватит ли два раза кашу из него сварить.

А Волька уже видел, как среди берёз и дубов взрывались петарды, солдатики в диковинных мундирах ловили с помощью лассо обезьян на пальмах, строчили без умолку пулемёты, и мчались безудержные лошади.